

МИФЫ О ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ И ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПАРАДОКСА ФЕРМИ*

С. В. ДАНЬКО, А. В. МАРКОВ

Если бы лев мог говорить, мы не поняли бы его.

Л. Витгенштейн

Имеет ли смысл парадокс Ферми?

Современная астробиология до сих пор активно обсуждает загадку «молчания вселенной», пытаясь разрешить противоречие между теорией и реальностью. В теории удалось привести весьма строгие доказательства высокой вероятности существования внеземных цивилизаций («уравнение Дрейка»¹), а реальность отразилась в простой формулировке не менее известного парадокса Ферми²: «Если инопланетяне существуют, где же они»³?

Действительно, если вероятность существования разумных цивилизаций столь высока, почему до сих пор они никак себя не проявили? Выдвинуто множество гипотез, ни одна из которых не разрешает парадокс Ферми⁴. Любая из наличных гипотез может быть оспорена, как только мы заострим тезис уравнения Дрейка: если найдено N разумных цивилизаций, какова вероятность, что будет найдена еще хотя бы одна цивилизация? Даже без вычислений ясно, что уравнение Дрейка работает для любого N , к которому мы всегда можем прибавить единицу. Получается, во вселенной с высокой вероятностью существует бесконечное множество цивилизаций, и тогда совсем необъяснимо, что из бесконечного множества цивилизаций не нашлось ни одной, которая вступила бы с нами в контакт.

Поэтому мы предполагаем, что отсутствие сигналов из космоса – не изъян устройства вселенной, но особенность устройства нашего сознания. Мы стоим перед дилеммой: либо гипотетический инопланетный разум идентичен человеческому, либо все высказывания, гипотезы,

* *От редакции.* Философски искушенный читатель, конечно же обратит внимание на категорически-полюемический характер статьи с ее ключевым тезисом, согласно которому «сама идея внеземного разума – бессмысленна».

Из этого тезиса, как отмечают сами авторы, вообще говоря, не вытекает также бессмысленность поиска внеземных цивилизаций. Авторы лишь пытаются доказать или показать, что разум человека вообще не в состоянии образовать идею «иноземного разума» и что в данном случае мы сталкиваемся не более чем с ментальной ловушкой, «ловушкой языка», порождающего иллюзорно осмысленные высказывания. При этом они утверждают, что вопрос разумности «кандидата» решается не дефиницией разума, а практикой «общения». И тогда возникает проблема осмысления самой этой практики общения. Проблема, несомненно, заслуживающая дальнейшего обсуждения.

уравнения и парадоксы на эту тему лишены смысла. Проблема не в том, существуют или нет внеземные цивилизации, а в том, понимаем ли мы, о чем мы сами спрашиваем. Наше исследование не оспаривает возможность развития *жизни* на других планетах, речь идет именно о разуме и о возможности *мыслить нечеловеческий разум*.

Мы доказываем, что разум человека вообще не в состоянии образовать идею «инога разума», и тогда парадокс Ферми, как и уравнение Дрейка, теряет смысл. Идея неподобного человеческому инопланетного разума не может учитываться в каких-либо рассуждениях или вычислениях, как непредставимая для человека. Выражения «иной разум», «нечеловеческий разум» бессодержательны и представляют собой «ловушку языка», создающую иллюзию осмысленности подобных словосочетаний.

Здесь, вероятно, следовало бы пояснить, что такое разум вообще и что такое человеческий разум. Придется признать, что мы не считаем возможным ответить на подобный вопрос. Но как тогда возможно противопоставление человеческого разума нечеловеческому? Будем считать, что это противопоставление условно, поскольку оно не основано на четких определениях, но, тем не менее, кое-что можно установить, когда речь идет о человеке. Надеемся, что этого будет достаточно, чтобы продемонстрировать невозможность мыслить «иной» разум.

Модели инопланетного разума в искусстве

Нет нужды доказывать, что огромное большинство фантастических сюжетов представляет инопланетян мыслящими в точности как человек. В таких популярных сериалах, как «Звездные войны», «Люди в черном», «Звездные врата», знаками отличия инопланетных существ становятся чешуя на голове, пятна на лице и теле, гротескная форма ушных раковин и другие особенности внешности. В остальном эти существа ничем не отличаются от людей, и все коллизии сюжетов не выходят за рамки обычных проблем человеческого сообщества. В известном полнометражном фильме «Инопланетянин» найденное в лесу Существо только тогда проявляет себя как очевидно разумное, когда показывает способность к членораздельной речи и демонстрирует человеческие склонности: привязанность, благодарность, тоску по дому.

Несколько иначе строится сюжет прославленных фантастических романов — «Война миров» Г. Уэллса⁵ и «Солярис» С. Лема⁶. Здесь нет явного антропоморфизма в описании инопланетных существ; но нетрудно заметить, что в романе «Война миров» никакого контакта с инопланетянами не было. Не было и никаких явных свидетельств их разумности, кроме высокотехнологичных приспособлений для захвата земли. Но будут ли технологии свидетельством разумной жизни? Это не безусловно. Органические «технологии», которыми пользуются грибы, отправляющие муравьев вверх по стволам деревьев⁷, не служат,

очевидно, надежным свидетельством разумности грибницы; строгие конструкции пчелиных сот и замысловатые конструкции муравейников тоже не убеждают в разумности пчел и муравьев. Даже если вообразить, что некоторые животные создают орудия труда, сомнения в их разумности окажутся неустранимыми.

В отношении «Соляриса» приведем цитату из самого романа: «Человеку нужен человек» — главным образом потому, что человек способен *понять* только себе подобных. Мыслящий океан «Соляриса» обнаружил невероятные свойства — способность моделировать из нейтрино точные копии людей, с которыми были связаны судьбы членов экипажа. Но что означало присутствие на корабле этих копий? Пытался ли океан «поговорить с совестью» попавших в его орбиту людей, действовал ли океан как субъект или это была стихийная, автоматическая реакция «тела» океана?

Невозможность, а точнее, немыслимость контакта с «иным» разумом следует вовсе не из ограниченности художественных средств или скудного воображения авторов-фантастов. Последние как раз лучше всех преуспевают в создании «иных» разумных миров: но не на уровне артикулируемых идей, а за счет эмоционального переживания, вызываемого художественными средствами. Чем больше они преуспевают, тем ошутимее непреодолимость границ собственно человеческого мышления.

Теперь, опираясь на философские источники, обсудим нашу гипотезу о том, что трудности построения возможных разумных миров проистекают не из случайных, но фундаментальных свойств человеческого мышления, ставящих пределы тому, что мы вообще в состоянии помыслить.

«Война миров»: чем опасен инопланетный разум, если он возможен?

Анализируя «Логико-философский трактат Л. Витгенштейна, Д.А. Шамис ставит весьма неожиданный вопрос⁸: допускает ли «логическое пространство» языка логическую возможность для зайца «варить картошку»? Казалось бы, это не исключено: логика языка, как ее представил ранний Витгенштейн, допускает любую возможность, если таковая мыслится непротиворечиво. Разве не можем мы помыслить зайца, который варит картошку? Это же не круглый квадрат, и не шершавая гладь.

Этот вопрос имеет прямое отношение к загадочному характеру «простых объектов», которые Витгенштейн в раннем творчестве считал неделимыми элементами языка. В «Трактате» не пояснено, определяет ли «простой объект» условия интерпретации общих имен; или же такие понятия, как «заяц», «курица», «стол», «дерево» вообще никак не предусматриваются логической структурой. Д.А. Шамис склоняется к

последнему варианту, настаивая, что все объекты логической структуры одинаковы, и это позволяет сделать интереснейшие выводы относительно общих идей Трактата.

Продолжая рассуждения Д.А. Шамис, предположим, что в вопросе, поставленном таким образом, мы обсуждаем вовсе не логическую возможность, но проблему еще одного разума, еще одного «я», которое не будет человеческим. В одной из дискуссий на эту тему прозвучало: «Если я узнаю, что заяц варит картошку, я не пойду завтра на работу». Это, видимо, означает, что заяц, варящий картошку (не как персонаж мультфильма или дрессированное ради циркового номера животное, а как разумное субъектное существо) каким-то образом меняет картину мира, искажает или уничтожает смыслы, определяющие нашу жизнь и наши поступки.

Такое же препятствие ограничивает мыслимый контакт с инопланетянами: если допустить, что контакт с инопланетной цивилизацией состоялся, мы, вероятно, все «не пойдем завтра на работу»: мир станет совсем другим. Иначе говоря, исчезнут ценности, которые побуждают нас жить так, как мы живем.

Такая интуиция не всем покажется убедительной, поэтому поставим вопрос острее: сохранится ли ценность нашего культурного наследия, если к нам явятся инопланетяне, мыслящие иначе, не как мы? Не обесценятся ли произведения классиков искусства? Не утратит ли смысл всякая деятельность, которой мы занимаемся? Готовы ли мы на такую жертву ради усвоения принципиально иных представлений о мире?

Наверняка, многие скажут, что вполне готовы: нас подталкивает к этому любопытство, жажда бессмертия, духовный кризис. Кто-то, наоборот, ужаснется от подобной перспективы. Но здесь нет вообще повода для надежд или разочарований: ведь все рассуждения о мыслящем зайце, иных горизонтах мышления, по существу бессмысленны.

«И где же они, в таком случае?»

Онтологическое решение парадокса Ферми

Итак, почему представления о вневременном разуме не имеют смысла? Начнем с аргумента о структуре языка и границах мышления. Опорой наших рассуждений будут идеи «Логико-философского трактата»⁹ и «Философских исследований»¹⁰ Л. Витгенштейна.

Подобно Канту в «Критике чистого разума»¹¹, Витгенштейн обозначил в «Трактате» трансцендентальную форму мысли, которая не познается, но оказывается самим условием познания, условием возможности мыслить мир. К этой форме Витгенштейн отнес логику («логическую структуру языка») и ценность. Логика и ценность не могут быть высказаны в языке; но их можно показать, очерчивая границу понятного мира «изнутри».

Нарушения грамматического смысла языка (например, «красное есть зеленое») указывают на логику как границу мыслимого мира.

Предложение «человек по природе зол» предполагает трансцендентальное ценностное основание всякого суждения о добре и зле¹². Кроме логики и ценности, границей мыслимого мира в Трактате объявляется само «я», которое, подобно глазу, никогда не присутствует в своем собственном «поле зрения»¹³.

Такая онтология накладывает очевидные ограничения на любую фантазию, на все мыслимые модели возможных миров, поскольку показывает пределы того, что вообще может быть помыслено. Соответственно, можно отрицать любой мыслимый факт в мире, но не границы (условия) самой мысли. Невозможно строить контрфактические суждения о логической структуре, о системе ценностей и о «я», поэтому всякая фантазия человека будет заперта границами, которые совпадают с его собственным «я», с логикой (как способом мыслить мир) и с этикой (как системой ценностей, которая сама не оценивается и не пересматривается, поскольку всякая оценка происходящего производится не относительно этой системы, а исходя из этой системы как первичного условия возможности ценностного суждения).

Речь идет, конечно, не об эмпирическом «я», которое доступно наблюдению или самонаблюдению в каких-либо своих качествах. Все эмпирические качества «я» как личности должны быть выразимы, что говорит об их относительности, случайности. Такие качества могут быть объектом психологии, физиологии, антропологии и других наук, но не философии, которая претендует на раскрытие абсолютных сущностей мира. Философия веками пыталась выявить абсолютную сущность «я»: например, новоевропейский рационализм полагал «я» мыслящей субстанцией, реальность которой не подлежит сомнению, а эмпиризм выражал сомнение в существовании «я» как субстанции. Витгенштейн не считает подобные рассуждения осмысленными, но «правильное видение мира», к которому должен был подвести Трактат, безусловно, подразумевает реальность и абсолютность «я», хотя и исключает какие-либо его уточняющие характеристики, научные или философские. Можно, например, представить, что все разумные существа на земле – рептилии, а не млекопитающие, однако разум этих рептилий все равно останется в нашем представлении человеческим: разум мыслящих рептилий будет заключен для нас в те же границы, что и разум человека.

В этом, пожалуй, состоит основная проблема мыслить иной разум. Нечеловеческий разум – это, прежде всего, другие границы мыслимого мира, принципиально другое «я», другая логика, другие смыслы. Но такого допущения сделать нельзя, поскольку «я», логика, смысл не могут интерпретироваться контрфактически, как этого требует любая модель возможного мира. Контрфактичность мыслима для любого события актуального (нашего) мира, но не для границ нашего мира. В частности, невозможно мыслить «я» как объект мысли, т.е. «я» вообще невозможно мыслить, и потому невозможно мыслить другое «я».

Мы не имеем в виду «я» другого человека, хотя оно тоже не мыслится, как и собственное «я». Но заметим, что отношение к другому человеку сопровождается убеждением, что онтологически он «устроен» так же: при всех различиях личностных и прочих качеств, его мир подобен моему, поскольку располагается в тех же границах. Поэтому человеку нет нужды искать «я» другого человека «внутри» собственного мира (подобно объекту) или за его пределами. Этого нельзя сказать о гипотетическом инопланетном разуме. Если он, допустим, располагается в тех же границах, то есть все основания назвать его человеческим. А если нет, то мы не будем в состоянии опознать его как разумное, субъектное существо.

Поскольку разум для нас непредставим без субъекта (без самознания, без «я»), становится понятно, что всякий разум, который мы в состоянии допустить, тоже расположится в таких же, «наших» границах, т.е. он будет человеческим, мы будем полагать его так же, как полагаем себя самих и нам подобных.

Итак, допущение иного разума требует объективировать границы мысли, границы языка, границы мыслимого мира, сделав способ мышления объектом мышления. А это невозможно, как невозможно разместить глаз внутри его собственного поля зрения. В области мыслимого нами внешнего мира невозможно сконструировать то, что мы интуитивно понимаем под разумом.

Другой аргумент относится к характерно человеческой «форме жизни», которую и выражают язык и мышление. По мысли позднего Витгенштейна, наше мышление есть ментальный образ нашей практики жизни; язык есть выражение формы жизни¹⁴. Понимаемое нами непременно должно отвечать форме жизни, таинственно объединяющей всех людей на планете. Хотя нельзя утверждать абсолютное тождество формы жизни всех обитателей земли, некоторое единообразие формы жизни, все же, существует, о чем свидетельствует возможность пусть минимального диалога между представителями разных народов, социальных слоев, сообществ и вероисповеданий.

Чтобы гипотетическое внеземное существо было мыслимым для нас, необходимо, чтобы оно разделяло, хотя бы частично, свойственную человеку форму жизни, а для этого слишком многое должно совпасть. Грубо говоря, в любой точке вселенной оно должно водить трамваи, заседать в парламентах, переключать каналы ТВ, или, допустим, водить хороводы вокруг костра, помахивая пальмовыми листьями и звеня бубном из черепашьего панциря. Верим ли мы, что инопланетные существа, если мы их встретим, окажутся именно такими? А если не верим, то какими они должны быть? Это самый неприятный вопрос: если мы не ожидаем встретить в космосе человека, который приветливо приподнимет шляпу, то, признаемся, мы вообще не понимаем, что означает слово «инопланетянин».

Действительно, полагаем ли мы, что на просторах вселенной существует планета, где есть копии Толстого, Бетховена, Рембрандта и их творений или копии культурных символов других культур? Можем ли мы верить, что история обитателей этой планеты, их образ жизни идентичны нашей истории, нашему образу жизни? Ожидаем ли мы столкнуться в космосе с существом, которое, так или иначе, проявит себя как человек? Именно это мы незаметно для себя перебираем в своей фантазии, когда размышляем о внеземных цивилизациях, хотя и не всегда отдаем себе отчет, что это просто ход нашей фантазии.

Итак, само предположение о возможности контакта с инопланетными цивилизациями, скорее всего, бессмысленно, как и все вообще рассуждения о существовании инопланетного разума. Имеет ли смысл обсуждать существование того, что мы не в состоянии помыслить? Можем ли мы обнаружить то, что не в состоянии помыслить?

Возможно, это и есть решение парадокса Ферми. На его вопрос: «И где же они?» можно ответить так: они – здесь, поскольку, они – это мы. В противном случае совершенно непонятно, о ком идет речь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лем С. $N = R^* \text{ fp nc fe fi fc L}$: [эссе] // Лем С. Молох. – М.: АСТ; Транзит-книга, 2005. С. 612–617.

² См.: Webb S. If the Universe Is Teeming with Aliens... Where Is Everybody? Fifty Solutions to Fermi's Paradox and the Problem of Extraterrestrial Life. – N. Y.: Springer Science & Business Media, 2002.

³ Парадокс Ферми сложился в дискуссии 1950 г. и обострился на фоне формальных доказательств Дрейка, приведенных в 1960 г.

⁴ См.: Michaud M. Contact with Alien Civilizations: Our Hopes and Fears about Encountering Extraterrestrials. – N. Y.: Springer Science & Business Media, 2010.

⁵ См.: Уэллс Г. Война миров // Уэллс Г. Собр. соч. В 12 т. Т. 5. – М., 2012.

⁶ См.: Лем С. Солярис. – М.: АСТ, 2014.

⁷ Забравшись наверх, муравьи намертво цепляются за кору деревьев и «ждут», пока споры грибов прорастут сквозь их одурманенную голову.

⁸ Шамис Д.А. Людвиг Витгенштейн и зайцы // Философия. Язык. Культура / отв. ред. Ю.В. Горбатова Вып. 2. – СПб.: Алетейя, 2011. С. 144–154.

⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добролюбова и Д. Лахути под общ. ред. В.Ф. Асмуса. – М., 1958. 1, 6.521.

¹⁰ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2011.

¹¹ См.: Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994.

¹² Здесь мы даем несколько вольную интерпретацию «Трактата», о ценностях Витгенштейн высказывался крайне косвенно.

¹³ «Ни из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом» (Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 5.633).

¹⁴ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2011.

REFERENCES

Michaud M. *Contact with Alien Civilizations: Our Hopes and Fears about Encountering Extraterrestrials*. New York, Springer Science & Business Media, 2010. 472 p.

Shamis Darya. Ludwig Wittgenstein and hares. In: *Filosofia, Yazyk, Kultura* [Philosophy, Language and Culture]. Yu.V. Gorbatova (ed.). Iss. 2. Saint-Petersburg, Aletheia Publ., 2011, pp. 144-154 (in Russian).

Webb S. *If the Universe Is Teeming with Aliens... Where Is Everybody? Fifty Solutions to Fermi's Paradox and the Problem of Extraterrestrial Life*. New York: Springer Science & Business Media, 2002. 288 p.

Аннотация

В статье рассматриваются модели возможных миров, центрированных на нечеловеческом разуме, который в разных формах культуры принято называть «внеземным». Доказывается, что построение подобных моделей в искусстве (литературе, кинематографии) остается всегда лишь жанровой условностью, на самом же деле подобные миры совершенно непредставимы для человека, что имеет прямое отношение не только к искусству и обыденному мышлению, но и к науке (астробиологии). На основе обсуждения границ языка и мышления предлагается радикальное решение «Парадокса Ферми», состоящее в утверждении, что сама идея внеземного разума – бессмысленна, что позволяет дать вполне однозначный ответ на вопрос Э. Ферми «ну и где же они?» (представители внеземных цивилизаций).

Ключевые слова: возможные миры, границы языка, сознание, культура, фантастика, инопланетные цивилизации, внеземной разум.

Summary

The paper discusses modeling of possible worlds, centered on the non-human mind, which in different forms of culture tends to be called «extraterrestrial». It is proved that construction of such models in the art (literature, cinema) is always a genre convention, but in fact these worlds are completely unthinkable for a person, and this condition is primary not only for arts and everyday thinking, but also for science (astrobiology). Discussing the boundaries of language and thought the paper offers radical solution of the «Fermi Paradox», consisting in the fact that the main idea of extraterrestrial intelligence is meaningless, that allows to give a simple answer to the question by Enrico Fermi «Well, where are they?» (representatives of extraterrestrial civilizations).

Keywords: possible worlds, the boundaries of language, consciousness, culture, fiction, extraterrestrial civilizations, extraterrestrial intelligence.